

Б. Н. Ковалев

Палачи и жертвы Колмовской больницы

Из всех невозвратных потерь Великой Отечественной войны наибольшее количество приходится на ее начальный период. Причин этому несколько: отступление Красной армии, большое количество военнопленных. Именно они стали одной из основных по численности категорий жертв Второй мировой войны. Но погибали не только солдаты, страдало и мирное население: женщины, дети, старики, пациенты больниц. В самом тяжелом положении оказались пациенты медицинских учреждений. Зачастую оторванные от дома, страдающие от болезней и начавшегося голода, они оказывались беспомощными перед новыми условиями своего существования.

Но не только реалии войны вели к гибели этих людей. Так, нацистская политика по отношению к душевнобольным предполагала их безусловное уничтожение. В засекреченном указе от 29 августа 1939 г., за три дня до вторжения в Польшу, Гитлер приказал рейхсляйтеру Боулеру и доктору Брандту установить практику, согласно которой все дипломированные врачи получали право даровать неизлечимо больным смерть «из милосердия». Под нацистское определение «неизлечимо больных» попадал довольно широкий круг лиц¹.

Медицинские комиссии посещали дома для умалишенных и отбирали там пациентов, которых затем убивали в газовых камерах. Родственников погибших обычно извещали о том, что эти лица скончались от сердечного приступа либо от воспаления легких. Однако везде, где бы ни появлялись эти медицинские комиссии, возникали подозрения, которые в конце концов привели к возмущению широких масс германского населения.

¹ Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996. С. 371.

Их настроение ярко выразил в своих отважных публичных разоблачениях епископ города Мюнстера Гален. В результате в 1941 г. правительство вынуждено было свернуть все работы по программе эвтаназии. Эта программа закончилась точно так же, как и началась: был разослан особый секретный циркуляр, предписывающий остановить ее осуществление². Но оккупированной гитлеровцами территории России эта отмена, естественно, не касалась.

Дело врача Льва Любимова было рассекречено в архиве Новгородского управления ФСБ только в 2015 г. Оно позволяет более подробно оценить трагические события уничтожения больных колмовской психиатрической больницы в пригороде Новгорода зимой 1941–1942 г.

Спецслужбы разыскивали этого человека около трех лет. Его обвиняли в том, что он, «работая в период оккупации немецко-фашистскими войсками города Новгорода главным врачом областной психиатрической лечебницы, организовал уничтожение 250-ти человек больных, находившихся в больнице»³.

Любимова арестовали в феврале 1947 г. в городе Новохоперске Воронежской области, который находится в 1200 километрах от Новгорода. На момент ареста ему уже исполнилось 56 лет.

Его биография — биография интеллигента, весьма оппозиционно относившегося к порядкам в царской России. Он родился в Петербурге в 1891 г., в 1909 г. там же закончил 12-ю мужскую гимназию. Поступил учиться в Петербургскую военно-медицинскую академию, откуда был отчислен с 4-го курса в 1913 г. за отказ подчиниться вновь введенным правилам внутреннего распорядка. После этого Любимов поступил на 4-й курс Юрьевского университета, который окончил в феврале 1918 г. со специальностью врача-терапевта. С 1918 по 1922 г. работал врачом в Красной армии. По возвращении из Красной армии работал в различных медицинских учреждениях⁴.

Наиболее крупные психиатрические больницы (кроме, конечно, Ленинграда) на Северо-Западе России находились под Псковом в деревне Черняковичи и в пригороде Новгорода — Колмово, где располагалась «1-я Ленинградская областная психиатрическая лечебница». Именно туда в августе 1938 г. Любимова перевели на работу. С 1939 г. до самой немецкой оккупации города он числился в должности главного врача этого медицинского учреждения.

Для российской медицины Колмовская психиатрическая больница еще с начала XX в. являлась своего рода научно-испытательным полигоном, где шли успешные эксперименты по лечению хронического алкоголизма. Увеличилось штатное количество мест для больных с 400 в 1900 г. до 580 в 1905 и 560 в 1906 г. В последующие годы коечный фонд больницы не превышал 600.

² Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер. С. 371.

³ Архив Управления ФСБ по Новгородской области (далее — АУФСБНО). Д. № 1/7358, Л. 3.

⁴ Там же. Л. 11 — 11 об.

Советская власть не смогла выделить достаточно средств на содержание крупной психиатрической больницы. Количество коек сократилось до 150, и только благодаря осторожным и настойчивым усилиям главных врачей в больнице увеличивалось постепенно, по 20–25 больничных коек в год. Количество их достигло в 1930 г. 200, а в 1940 г. — 600. Главным врачом больницы как до революции, так и после нее являлся известный российский психиатр А. А. фон Фрикен⁵.

Таким образом, Лев Любимов прибыл не просто в провинциальную лечебницу, а в достаточно известный среди советских психиатров научный центр.

Новгород был занят нацистами с 19 августа 1941 г. до начала Новгородско-Лужской операции Красной армии в январе 1944 г. Всё это время он был в непосредственной близости от линии фронта, она прошла всего в километре от города.

Следует признать, что работа по эвакуации шла из рук вон плохо. В первую очередь подлежали вывозу материальные ценности, в частности промышленное оборудование. Однако и его слишком быстрый демонтаж мог быть приравнен к паникерству и вредительству. В воспоминаниях Александра Орлова «Новгород. Война!» последние часы перед оставлением его частями Красной армии описываются так: «Брать ничего особенного не давали, говорили, что если и увезут, то месяца на три... Прибегает комендант станции: “Вы чего панику наводите? Какая эвакуация!” — “Никакой паники я не навожу, возьмите трубку и спросите сами”. Он позвонил, послушал, трубку бросил и умчался куда-то...»⁶

Если верить утверждениям врача Любимова, то советское медицинское руководство после начала войны вообще не планировало эвакуировать психиатрические больницы. «В июле 1941 г. было получено распоряжение Ленинградского облздравотдела и областного психиатра принять меры к недопущению возбуждения у больных, добиться приобретения соответствующих наркотических средств для успокоения больных, так как об эвакуации больницы вопрос не может быть поднят.

Поэтому к моменту занятия Новгорода немцами в августе 1941 г. больница со всеми больными, большей частью персонала: врачами, средним медперсоналом осталась не эвакуированной»⁷.

Можно назвать несколько причин отказа от эвакуации. Здесь было нежелание оставлять больных людей, полностью зависящих от медицинского персонала, страх перед опасной дорогой, оправдываемый для себя избитой фразой «дома и стены помогают», а также неверие в победу Красной армии и желание предложить новым хозяевам свои услуги⁸.

⁵ Москалев В. П. Страницы истории земской медицины: Колмовская психиатрическая больница // Вестник Новгородской психиатрической ассоциации. Вып. 1. Новгород, 1997. С. 44.

⁶ Орлов А. И. Новгород. Война! // Новгородский комсомолец. 1991. 25 июня.

⁷ АУФСБНО. Д. № 1/7358. Л. 9.

⁸ Проблема эвакуации Колмовской больницы упоминается в рассказе Е. Б. Хотинной «Ужас» (Хотина Е. Б., Малаховская Н. Л. Переключка в тумане времен. СПб.: Алетей,

Остался на месте и кладовщик Иван Моногаров, который вскоре станет комендантом Колмово. В постановлении на арест этого человека от 15 марта 1946 г. значилось следующее: «Моногаров И. П., проживая в городе Новгороде в период временной оккупации его немецкими войсками, принимал участие в совершённых немцами на территории поселка Колмово преступлениях и злодеяниях.

Будучи завхозом Колмовской больницы и комендантом поселка Колмово, Моногаров в 1941 г. руководил погрузкой на автомашины психически больных после их отравления смертельной дозой скополамина. Тогда других сотрудников больницы поразило то деловитое равнодушие, с которым он занимался подготовкой деревянного помоста, по которому жертвы должны были попасть в кузова машин. Моногаров также составлял списки на неблагонадежных по отношению к немцам лиц, участвовал в арестах советских граждан, организовывал обыски квартир с целью обнаружения партизан, избивал военнопленных красноармейцев.

При активном содействии Моногарова, путем голода и отравления, в поселке Колмово немцами истреблено более двух тысяч советских граждан, в том числе пленных военнослужащих Красной армии»⁹.

Этот человек просто упивался своей властью. В желании выслужиться перед немцами он был готов идти на любые гнусности. Свидетель К. И. Королёва показала: «В 1942 году, числа и месяца не помню, к военнопленным в Колмово приходил немецкий офицер, он был “шефом” над военнопленными. Осмотрев военнопленных, этот офицер стоял с Моногаровым около мужского корпуса больницы и разговаривал с ним. Я в это время также вышла из помещения... и с площадки крыльца, недалеко от которого они стояли, слышала, как офицер Моногарову задал следующий вопрос: “Господин Моногаров, почему Вы так плохо кормите военнопленных, ведь у Вас есть на складе продукты?”

На этот вопрос офицера Моногаров ответил следующим заявлением: “Господин офицер, это я делаю потому, что для вас стараюсь. Продукты я оставляю для вашей армии”»¹⁰.

Выдавая местным жителям продукты, Иван Моногаров любил «пошутить». Вместо того чтобы отдать их в руки голодным людям, он бросал хлеб и картошку на пол. А ведь любая еда зимой 1941/1942 г. была синонимом слова «жизнь». Особенно тяжело это осознавать, когда понимаешь, что даже сами оккупанты иногда были гуманнее, чем собственные соотечественники, по сути своей соседи. «Большая часть погибших умерщвлена голодом. Моногаров Иван является прямым соучастником этих чудовищных злодеяний немцев. Несмотря

2010. С. 51). Согласно ее воспоминаниям, Л. Любимов пытался добиться эвакуации, но получил отказ. — *Прим. ред.*

⁹ АУФСБНО. Д. № 1/6717. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 2.

на наличие продуктов, находившихся в распоряжении Моногарова, он не кормил больных. В результате этого осенью и зимой 1941 г. от голода ежедневно умирало от 25 и больше советских граждан»¹¹.

Иллюзия безнаказанности порождает самые отвратительные поступки. Так, свидетель А. А. Пензин 7 марта 1945 г. сообщил чекистам о следующем преступлении: «Я был очевидцем, как Моногаров участвовал в погрузке психически больных на автомашины в 1941 году после специальных смертельных уколов, которыми немцы отравили и умертвили до 200 человек этих больных.

Я лично видел, как Моногаров стоял около машин вместе с немецким полицейским офицером и отдавал обслуживающему персоналу приказания о сооружении из пустых ящиков мостика, по которому бы больные могли быстрее взобраться в кузов автомашины.

Автомашины, в которые производилась погрузка психических больных, были накрыты брезентом»¹².

При этом в уголовном деле И. П. Моногарова находится весьма любопытный документ. Это справка, предоставленная Исполкомом Новгородского горсовета депутатов трудящихся: «Дана в том, что Новгородская психиатрическая больница, расположенная в поселке Колмово, не была эвакуирована в глубь страны по причине отсутствия транспортных средств.

Все больные и значительная часть обслуживающего персонала этой больницы были захвачены немецкими оккупантами в августе 1941 года.

Председатель Исполкома Новгородского Горсовета депутатов трудящихся М. Юдин. Июль 1946 г.»¹³

Таким образом, как следует из этого документа, в гибели пациентов психиатрической больницы была и косвенная вина городских властей. Но он несколько отличается от заявления врача Любимова, так как согласно его показаниям, попытки эвакуации даже не предпринимались.

Одной из самых серьезных проблем в это время стало снабжение больных и обслуживающего персонала больницы. Любимов заявил на допросе в 1947 г.: «При занятии г. Новгорода немцами больница осталась без достаточного запаса продовольствия, личного инвентаря, что негативно влияло не только на состояние здоровья больных, но и на их психическое спокойствие»¹⁴.

Ни со стороны оккупационных властей, ни со стороны русской коллаборационистской администрации ничего, чтобы помочь больнице, сделано не было. Наоборот, немецкое командование изъяло весь скот, принадлежавший больнице. Количество пациентов значительно возросло за счет больных

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Там же. Л. 1–3.

¹³ Там же. Л. 185.

¹⁴ Там же. Д. № 1/7358. Л. 9.

военнопленных, а также больных из Хутынской психиатрической лечебницы. Продовольствия для больных в этих условиях вообще не отпускалось, но немецкое командование пока еще разрешало выкапывать картошку на огородах.

В течение примерно двух недель после оккупации города немцы не интересовались больницей. Затем на ее территории расположилась немецкая воинская часть. Установив орудия на территории больницы, немцы стали производить обстрел советских позиций, так как линия фронта проходила в непосредственной близости. В связи с этим среди больных и проживающего населения появились жертвы от ответных артиллерийских обстрелов.

Во второй половине октября 1941 г. в психиатрическую больницу прибыл из комендатуры в городе Новгороде немецкий военный доктор с переводчиком. Он распорядился, чтобы перед ним собрали всех русских врачей для прослушивания лекции о последних достижениях немецкой психиатрии. Кроме Льва Любимова на ней присутствовали заместитель главврача Анна Помогаева, заведующий отделением хронических больных Иван Андриевский, заведующая отделением слабых больных Анна Жемчужина, заведующая женским отделением Анна Тимофеева, врач-терапевт Васильева и врач-ординатор Анна Константинова¹⁵.

Немецкий врач сказал, что для очищения расы и предупреждения неблагоприятной наследственности в Германии производится кастрация хронических венериков, а психически больные в тех случаях, когда заболевание переходит в хроническое состояние и нет надежды на выздоровление, уничтожаются.

Сохранять жизнь и лечить, по его словам, нужно было только тех психически больных, которые по роду болезни временно впадают в психическое расстройство, а затем снова становятся психически здоровыми людьми и могут использоваться на различных работах.

После этих предварительных разъяснений немецкий врач предложил русскому медицинскому персоналу последовать немецким прогрессивным взглядам и уничтожить всех хроников, психически больных, оставив только необходимое количество людей для выполнения хозяйственных работ.

Уничтожение больных он предложил провести путем введения под кожу сильнодействующих наркотических средств. На проведение этой «работы» было дано два дня срока¹⁶.

Во время допросов в 1947 г. Лев Любимов несколько раз менял свои показания. В уголовном деле находится его собственноручное объяснение, датированное 19 января 1947 г. Из него следует, что «после ухода немецкого офицера врачи обсудили положение и вынесли единогласное решение, что заниматься уничтожением больных и вводить им наркотики не будут. На другой день немецкий врач снова прибыл и, узнав настроение врачей, распорядился выделить

¹⁵ АУФСБНО. Д. № 1/7358. Л. 12 об.

¹⁶ Там же. Л. 12 — 12 об.

250 больных, сказав, что выделенные больные будут эвакуированы в Псковскую психбольницу»¹⁷.

Через два дня после совещания, на котором выступал немецкий врач, в психиатрическую лечебницу приехал немецкий генерал с несколькими офицерами. Он обругал русских врачей за медлительность, обозвал их слонтяями и уехал.

Было понятно, что слова про эвакуацию являются немецкой ложью. Но врачи занялись отбором больных. Определялись безнадежные хроники, и по консультации врачей были составлены два экземпляра списков. Их подписали лечащие врачи и заведующие отделениями. Любимов лично передал эти списки представителю немецкого командования.

Понятно, что 250 — круглое число. Немецкий врач, называя его, не знал, сколько в больнице находится действительно неизлечимых людей. На самом деле их было меньше, но количество жертв уже было озвучено в немецком приказе. Ответственность же за это решение перекладывалась на плечи главного врача больницы: «В числе 250 психически больных, отобранных нами и находившихся в лечебнице, а позднее уничтоженных немцами, около 50 были без острого хронического беспокойства и не ослабленные. Эти пятьдесят были внесены в список после продолжительного разговора с начальниками отделений Помогаевой, Андриевским и Тимофеевой, которые были против внесения этих лиц в списки, так как считали, что они могут быть излечимы»¹⁸.

В новых показаниях Льва Любимова встреча с немецким врачом предстает несколько в ином свете. Далеко не все русские врачи оказались готовы противоречить «последним достижениям немецкой психиатрии»: «Присутствующие при этом врачи: Помогаева, находящаяся в настоящее время якобы в городе Кирове; Жемчужина (умерла в 1941 или 1942 г.) высказались, поддерживая точку зрения немцев, что действительно нужно уничтожить хронических больных и нет никакого смысла заниматься их лечением. На этом совещании в присутствии немца я (т.е. Лев Любимов. — *Б.К.*) дал указание находившимся здесь врачам отобрать слабых и безнадежных больных 250 человек, как того требовал немец, и составить на этих лиц список»¹⁹.

Борис Филистинский в своих воспоминаниях представил Жемчужину под фамилией Алмазова. «Молодая женщина-врач Людмила Георгиевна Алмазова проживала в Псковской слободе.

Еще до поступления в медицинский институт она окончила музыкальный техникум, и ее густое, звучное меццо-сопрано часто раздавалось в кабинете главврача...

Людмила Георгиевна, красивая полнотелая тридцатипятилетняя брюнетка, недурно говорила на немецком языке, еще лучше пела, заразительно смеялась,

¹⁷ Там же. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 14.

¹⁹ Там же.

весело рассказывала анекдоты, оживленно вела любую общежитейскую беседу»²⁰.

Волей случая она познакомилась как раз в это время с офицером испанской Голубой дивизии, русским белоэмигрантом и с материальной точки зрения ее жизнь резко улучшилась: «Обед удался на славу. Конина, да еще запиваемая коньячком, показалась всем очень вкусной. Варить борщ Алмазова была мастерица, а хлеба было вволю — его принес с собой новый знакомый. Он же принес и консервов, и масла, и хороших сигарет»²¹.

После нескольких встреч русский врач и поручик Голубой дивизии повенчались в сельской церкви. Через месяц доктор скончалась от скоротечного гриппа, а ее муж был легко ранен в ногу. Но пока подросли санитары, пока его доставили на перевязочный пункт, он истек кровью. Так что они также не пережили зиму 1941/1942 г.²²

В процессе подготовки уничтожения больных немецкие офицеры требовали от руководства больницы, чтобы вся эта акция представлялась как некий акт гуманизма — эвакуация пациентов от линии фронта, где они страдали от бомбежек и обстрелов. Однако сам главный врач однозначно признавал: «Для меня лично и всех остальных было ясно, что речь идет о лицах, подлежащих физическому уничтожению, поскольку перед тем, как назвать цифру 250 человек, он говорил о необходимости уничтожения хронических больных. Я оговариваюсь и уточняю, что нам прямо было сказано об уничтожении этих больных. Для низшего медперсонала, который не присутствовал на этом совещании, по указанию немца следовало говорить, что 250 человек будут увезены из больницы в город Псков будто бы в целях разгрузки больницы»²³.

Любимовым были составлены списки на 250 потенциальных жертв по форме: № по порядку; фамилия, имя, отчество; и у кого было известно, то год рождения, название болезни²⁴.

После этого немецкий врач прислал в лечебницу наркотики и передал, чтобы эти наркотики были введены психически больным перед отправкой на уничтожение. В сопроводительном письме уточнялось, что следует сделать подкожное вливание в руку 0,0005 граммов препаратов «Геоссин» и «Скополамин»²⁵.

На другой день прибыло 5 больших грузовых машин в сопровождении 15 немецких военных санитаров. При выводе пациентов из палат они стали каждому делать под кожу инъекцию наркотиком, отчего возбуждение у больного

²⁰ Филитов Б. А. Всплывшее в памяти. Лондон, 1990. С. 144–145.

²¹ Там же. С. 151.

²² Об этом см. более подробно книгу: Ковалев Б. Н. Добровольцы на чужой войне. Великий Новгород, 2014.

²³ АУФСБНО. Д. № 1/7358. Л. 22.

²⁴ Там же. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 13 об.

прекращалось, и он без сопротивления шел к машине и садился. Только некоторые больные бессвязно кричали, но не оказывали активного физического сопротивления²⁶.

Кроме немцев, введение наркотиков психически больным проводили по распоряжению Любимова врачи Помогаева, Андриевский, Тимофеева и Жемчужина²⁷.

Дозировка при введении наркотиков психически больным, намеченным к уничтожению, не была смертельной, а только оглушала последних. Любимов это проверял, когда стоял в дверях, откуда выводили психически больных для посадки в машины и отправки.

Но во время допроса следователь ему задал достаточно жесткий вопрос: «Мог наступить общий паралич и смерть психически больного от введенного ему наркотического средства в дороге при их перевозке?»

- Это зависело от дозировки введенного наркотика.
- Вы эту дозировку проверяли?
- Не проверял²⁸.

Психически больных, подлежащих уничтожению, выводили лица, обслуживающие их: медсестры и санитары. Им не говорили, что эти больные будут уничтожены. Главный врач уверил их, что часть больных просто эвакуируется в город Псков.

Но антураж этой «простой эвакуации» явно настораживал. Ведь кроме санитаров там присутствовали вооруженные жандармы с бляхами на груди. Часа через полтора-два машины увезли первую партию больных. Вернулись и, погрузив остальных больных, уехали.

Последующих вывозов больных не было. От русского населения позднее стало известно, что больные были выгружены в 20–22 км от Новгорода по направлению к Луге, помещены в длинный, большой сарай и уничтожены. Способы уничтожения и куда делись трупы — слухи по городу ходили разные. Одним из рассказывающих об уничтожении больных был санитар психбольницы Егоров²⁹.

После этого было несколько случаев, когда родственники психически больных интересовались состоянием здоровья своих близких, которые были уже истреблены. Однако врач Любимов отвечал им, что «часть больных эвакуирована во Псков, в числе их ваш больной и поэтому о состоянии его здоровья сказать ничего не могу»³⁰.

В 1941 г. в Колмовскую больницу поступали и новые пациенты. В первую очередь ими являлись пленные красноармейцы. Ведь мест для их размещения теперь вполне хватало. Доктор Любимов показал в 1947 г. на допросе:

²⁶ Там же. Л. 13 об.

²⁷ Там же. Л. 14.

²⁸ Там же. Л. 14 — 14 об.

²⁹ Там же. Л. 14 об.

³⁰ Там же. Л. 15.

«Из общего количества больных в 800 человек к моменту сдачи мною больницы 5 ноября 1941 года осталось не более 100 человек, причем это были больные-рабочие, занимавшиеся хозяйственным обслуживанием больницы. Все же остальные умерли от голода или были расстреляны»³¹.

Информация об этом массовом уничтожении больных достаточно быстро стала известна в Ленинграде сотрудникам советских спецслужб. Так, в материалах для книги, предназначенной для внутреннего пользования, «Чекисты на защите Ленинграда» (Л., 1945) говорится в том числе и «о массовом умерщвлении немцами и их пособниками больных советских граждан в одной из психлечебниц в Новгородском районе...

К моменту оккупации г. Новгорода немцами в 1941 г. в Колмовской психиатрической больнице осталось неэвакуированными около 800 человек больных советских граждан»³².

Да, безусловно, их эвакуация была бы исключительно сложной. Ведь в условиях паники и неразберихи августа 1941 г. из Новгорода не удалось вывезти даже большинство экспонатов местных музеев. Немалое их число если не погибло в пожарах, то досталось врагу в качестве трофея.

Но кто-то ждал гитлеровцев как освободителей, как носителей европейской цивилизации, борющейся с коммунизмом. Бывший ленинградец Борис Филистинский оказался в Новгороде не по своей воле. По окончании срока в 1941 г. он был освобожден и поселился в Новгороде, так как находиться в Ленинграде ему как бывшему заключенному было запрещено. Жил он у своей матери Лидии Филистинской (она проживала в Новгороде с середины 1940 г.), зубного врача Колмовской больницы, и тетки Надежды Благовещенской, художника-реставратора. Мать помогла ему устроиться на работу в Колмовскую психиатрическую больницу техником-строителем³³.

Начало войны с нацистской Германией Филистинский воспринял положительно. Ему нравилась нацистская Германия с ее культом силы, физического развития и безусловной доминантой титульной нации³⁴. В новых реалиях у него появилась возможность отплатить советской власти за все перенесенные страдания и репрессии. Любую силу, которая воевала с большевиками, он считал правой и полагал своим долгом ей всячески помогать.

Одним из основных направлений работы коллаборационистской администрации Новгорода являлась борьба с любыми проявлениями сопротивления новым властям. Для этого были созданы городская стража («русская полиция») и политическая полиция, которую возглавил Борис Филистинский. В условиях,

³¹ АУФСБНО. Д. № 1/7358. Л. 13.

³² Там же. Д. № 1/6717. Л. 36.

³³ СРАФ УФСБ СПбЛО. Обзорная справка по архивному делу № 41-485, на Филистинского Бориса Андреевича, 1905 г. рождения, уроженца г. Ставрополя. Л. 220; АУФСБНО, Д. 43689.

³⁴ СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 10586. Л. 27 об., 100.

когда город жил впроголодь, любой кусок хлеба казался роскошью. На общем собрании персонала Колмовской больницы, где Филистинский по-прежнему числился, его решили лишить пайка как переставшего работать. На это предложение он с угрозой заметил: «Попробуйте. Я сейчас работаю в русском гестапо»³⁵.

Согласно показаниям свидетелей, выступая перед полицейскими и сотрудниками городской управы, Филистинский неоднократно заявлял о том, что нужно «активизировать выявление коммунистов и евреев и передавать их на расправу немцам. “Нечего их жалеть”, — говорил он»³⁶. Согласно информации, полученной после освобождения Новгорода органами государственной безопасности, Филистинский в сентябре 1941 г. лично арестовал советского партизана Прокошина, бывшего начальника штаба ПВХО (противохимической обороны) Колмовской больницы. Арест был им произведен вместе с русскими полициями, служившими под его началом. Всё это происходило в кладовой больницы, где скрывался раненый партизан³⁷.

В конце сентября 1941 г. Филистинский выдал немцам столяра Колмовской больницы, еврея Гринберга³⁸.

Однако позднее, в США, Филистинскому вспоминалось несколько другое: «Война. Немецкая оккупация. Голодная и холодная зима 1941–1942 г. Город разбит, сожжен, разрушен дотла. Немногие погорельцы скучились и прижились на территории уцелевшей чудом пригородной Колмовской психиатрической больницы, поселившись в полуподвальных этажах больничных корпусов, в докторских флигельках. Тут поселились и Аскольдов, и крупный эллинист, известный переводчик Платона и поэт-футурист А. Н. Николев (псевдоним), и его младший брат — поэт и прозаик Александр Котлин (псевдоним), и я, и еще несколько уцелевших...

И в тесной комнатке психиатра и литературоведа И. М. А. при ночнике, у железной печурки — под канонаду и разрывы бомб — философские споры, чтение своих стихов и особенно своевременного венка сонетов Вячеслава Иванова.

Гадания о будущем раздираемой войной и террором — и советским и немецким — России.

Еле-еле брызжет свет ночника. То и дело дом пошатывается от взрывов. Кровля пробита осколками снарядов. Иной раз доносится явственно испуганный вой смертельно напуганных сумасшедших. И тем глубже западают строфы “Зимних Сонетов”»³⁹.

Розыскные дела на Бориса Филистинского будут заведены в пяти Управлениях КГБ СССР. Но они не станут уголовными, так как привлечь этого человека к уголовной ответственности не удалось.

³⁵ Там же. Л. 56.

³⁶ Там же. Д. 1/13280. Л. 64.

³⁷ Там же. Д. 43689. Л. 72.

³⁸ Там же.

³⁹ *Филиппов Б.* Статьи о литературе. Лондон, 1981. С. 55–56.

Специфика середины 1940-х гг. заключалась в том, что следственные действия проводились «по свежим следам». Были живы свидетели, факты преступлений не стерлись в их памяти. Однако сталинская юстиция предполагала получение быстрого результата. Далеко не всегда факты, выявленные во время допросов, перепроверялись. Следователей в большей степени интересовало, в какой форме тот или иной человек изменил Родине.

Арестованный чекистами Иван Моногаров пытался доказать на следствии, что он всегда ненавидел гитлеровцев и всячески им вредил. В частности подсыпал толченое стекло в корм лошадям, чтобы они не достались немцам⁴⁰. Ему не поверили, и в 1946 г. он был приговорен к 10 годам лагерей.

Профессор Вашингтонского университета Борис Филистинский (псевдоним — Борис Филиппов) станет в эмиграции известным литературоведом и писателем, скончается в 1991 г. в США.

В ноябре 1941 г. доктор Любимов по личной просьбе был освобожден от должности главного врача психлечебницы и направлен заведовать медпунктом в Фарафоново для оказания медицинской помощи русскому населению. Там он проработал до 1943 г., когда его арестовало немецкое командование, заподозрив в связях с Сопротивлением. Далее он был через Литву вывезен в Германию, где в 1945 г. его освободила Красная армия.

По его просьбе он был отправлен на работу в Воронежскую область, где его в 1947 г. арестовали, обвинив в уничтожении умалишенных Колмовской психиатрической больницы.

Лев Любимов военным трибуналом войск МВД Новгородской области 07.07.1947 был приговорен к ссылке в каторжные работы сроком на 15 лет, с поражением в избирательных правах на 5 лет, с полной конфискацией имущества. Дальнейшую его судьбу по материалам дела пока установить не удалось.

References

- Filippov B.* Stat'i o literature. London, 1981.
Filippov B. A. Vsplyvshee v pamjati. London, 1990.
Gercshtejn R. Je. Vojna, kotoruju vyigral Gitler. Smolensk, 1996.
Kovalev B. N. Dobrovol'cy na chuzhoj vojne. Velikij Novgorod, 2014.
Moskalev V. P. Stranicy istorii zemskoj mediciny: Kolmovskaja psichiatricheskaja bol'nica // Vestnik Novgorodskoj psichiatricheskoj associacii. Вып. 1. Novgorod, 1997.
Orlov A. I. Novgorod. Vojna! // Novgorodskij komsomolec. 1991. 25 ijunja.

Список литературы

- Герцштейн Р. Э.* Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996.
Ковалев Б. Н. Добровольцы на чужой войне. Великий Новгород, 2014.
Москалев В. П. Страницы истории земской медицины: Колмовская психиатрическая больница // Вестник Новгородской психиатрической ассоциации. Вып. 1. Новгород, 1997.
Орлов А. И. Новгород. Война! // Новгородский комсомолец. 1991. 25 июня.
Филиппов Б. Статьи о литературе. Лондон, 1981.
Филиппов Б. А. Всплывшее в памяти, Лондон, 1990.

⁴⁰ АУФСБНО. Д. № 1/6717. Л. 184.